

Сергей Шелковый

У белого АНГЕЛА

переводы
с немецкого

Сергей Шелковый

У белого
АНГЕЛА

УДК 82
ББК 84(4Рос)
Ш44

Оформление автора

Шелковый С. К.

Ш44 У белого ангела: переводы с немецкого. — Харьков: Майдан, 2017. — 120 с.

ISBN 978-966-372-677-9.

В первой главе новой книги известного поэта Сергея Шелкового представлены переводы с немецкого языка стихотворений классика немецкой поэзии Райнера Марии Рильке.

Вторую главу составили переводы из поэзии выдающегося лирика начала XX века Георга Тракля, а также из наследия ещё восьми поэтов, соотечественников Тракля по известной антологии «Сумерки человечества», выдержавшей в Германии десятки переизданий. Переводы предваряет эссе С. Шелкового, посвящённое Р. М. Рильке и Г. Траклю.

УДК 82
ББК 84(4Рос)

ISBN 978-966-372-677-9

© Шелковый С. К., переводы,
вступительная статья, 2017

Сергей Шелковый

У белого
АНГЕЛА

*переводы
с немецкого*

Харьков «Майдан»

2017

«ВСЕ «ЭР» И «ЭЛЬ» СВЯТОГО ЯЗЫКА» — РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ И ГЕОРГ ТРАКЛЬ

Появление на свет этой книги переводов связано с моей давней увлечённостью творчеством двух мощных и неповторимых поэтов немецкого языка, двух австрийцев по рождению, давших заметный импульс не только новой немецкой поэзии, но и всей европейской поэзии XX века в целом. Я говорю сейчас о Райнере Марии Рильке, родившемся в 1875 году в Праге, и о Георге Тракле, появившемся на свет на двенадцать лет позже, в 1887 году в Зальцбурге, родном городе Моцарта.

Имя Моцарта, несравненного мелодиста, композитора, чьё имя стало символом скорее небесной, чем земной, музыки, по праву родства появляется здесь рядом с именами Рильке и Тракля. Мыслящая музыка речи каждого из этих двух поэтов неповторима и продолжает притягивать к себе внимание и любовь ценителей поэзии и сегодня, уже около века спустя после ухода их из жизни.

Может быть, неслучайна даже сама звуковая притягательность этих двух имён, — Рильке и Тракль, — в каждом из которых звучат те самые «все «эр» и «эль» святого языка», о которых говорил в своих стихах Арсений Тарковский, и которые представляются едва ли не самыми плавными, лёгкими и естественными жестами человеческой речевой артикуляции. И звучит в этой паре имён ещё и общее, более твёрдое на слух, «ка». Но и в нём мне слышится значительный, подаренный неслучайной случайностью, смысловой заряд — направление, вектор зова и притяжения двух полновзвучных поэтических стихий.

К неутомимому философу Райнеру Рильке, к отчаянному интуитивисту Георгу Траклю тянется уже многие годы и мой слух, и моя с некоторых пор совсем не чужая им, душа. Так тень Рильке, — оглянусь на минуту назад, — всякий раз дружественная и желанная, не однажды появляется в строчках моих ранних стихов. Как, например, в стихах начала девяностых годов, возникших после моей первой и незабываемой встречи с Прагой:

*...В лепнине, под затеями убранства
укрыл едва ль не каждый здешний дом
следы смешенья плавного славянства
с германским твёрдо-правильным углом.*

*И Рильке акварельная кручина,
и полуночный Кафки самосуд,
и слог первопричины, зов Марины,
меня по тесным улицам ведут.*

*Но зажимая треснувшую голень,
откуда сера каплет на песок,
за мной вослед хромает грузный Голем,
и заскорузлым каркая паролем,
обломком глины целит мне в висок.*

Немецкая поэзия начала XX века приобрела благодаря уникальному философско-лирическому дару Райнера Марии Рильке новую редкостную глубину, чувственность и притягательность. Зарождение века, развернувшееся в скором будущем в события невиданной жестокости и трагизма, совпало однако с появлением в европейской поэзии, да и в искусстве в целом, осмыслений, прозрений, интуитивных образов совершенно нового качества.

И едва ли не самым ярким образцом этого искусства новых уровней многомерности стало творчество Райнера Марии Рильке. А вся его скитальческая, неустроенная, помеченная экзистенцией неодолимого одиночества жизнь лишь свидетельствует каждым своим днём о его беспримерно непреклонной преданности духу и делу поэзии.

Об этой же отданности Рильке своему творческому, априорному и неизбежному дару и долгу, отданности, порою переходившей в затворничество и аскезу, говорят и его «Письма к молодому другу», и его удивительно пронизательный взгляд на суть поэзии, лаконично вместившийся в один из абзацев романа «Записки Мальте Лауридса Бригге». И абзац этот, словно нарочно, выписан в том месте начала романа, вслед за которым уже следующие ближайшие страницы вспоминают не всеу и Верлена, и Бодлера:

«...что пользы в стихах, написанных так рано! Нет, с ними надо повременить, надо всю жизнь собирать смысл и сладость, и лучше долгую жизнь, и тогда, быть может, разрешишься под конец десятью строками удачными. Стихи ведь не то, что о них думают, не чувства (чувства приходят рано), стихи — это опыт. Ради единого стиха нужно повидать множество городов, людей и вещей, надо понять зверей, пережить полет птиц, ощутить тот жест, каким цветы раскрываются утром.

Надо вспомнить дороги неизвестных стран, нечаянные встречи, и задолго чуемые разлуки, и до сих пор неопознанные дни детства, родителей, которых обижал непониманием, когда они несли тебе радость (нет, та радость не про тебя), детские болезни, удивительным образом всегда начинавшиеся с мучительных превращений, и дни в тишине затаившихся комнат, и утра на море, и вообще море, моря, и ночи странствий, всеми звездами мчавшие мимо тебя в вышине, — но и этого еще мало.

Нужно, чтобы в тебе жила память о несчетных ночах любви, из которых ни одна не похожа на прежние, о криках женщин в любовном труде и легких, белых, спящих, вновь замкнувшихся роженицах. И нужно побыть подле умирающего, посидеть подле мертвого, в комнате, отворенным окном ловящей прерывистый уличный шум.

Но мало еще иметь воспоминанья. Нужно научиться их прогонять, когда их много, и, набравшись терпения, ждать, когда они снова придут. Сами воспоминания ведь мало чего стоят. Вот когда они станут в тебе кровью, взглядом и жестом, безымянно срастутся с тобой, вот тогда в некий редкостный час встанет среди них первое слово стиха и от них отойдет».

Наверное, с подобным названному герою романа Рильке многолетним терпением пришлось ждать и мне этой нынешней поздней зимы, когда отчего-то вослед моим окликаниям дорогого мне поэта в собственных стихах я наконец обратился и к переводам его лирики на русский.

Скорее всего, для меня это стало продолжением окликания его духа, его солнечных полуденных облаков и медитативных сушек, его полночных звездных бездн, его нескончаемо вариативных поисков и сомнений. Мне было радостно и, кажется, почти легко продолжить разговор с ним и в новом для меня перевод-

ческом контексте, требующем и рабочего речевого тонуса, и не ремесленнического вдохновения.

Вослед семнадцати переводам из Рильке, составившим первую главу «Зарождение столетия», я поместил во второй главе «Обречённый экспресс» одиннадцать переводов из Георга Тракля, а также два десятка стихотворений ещё восьми его талантливых современников и однокашников по известной поэтической антологии «Сумерки человечества». Эту группу авторов антологии, состоящую в целом из двадцати трёх поэтов, неизменно входивших во все последующие десятки переизданий книги (уникальный случай тиражирования этого жанра в Германии), принято именовать в исследованиях немецкой поэзии XX века поэтами-«экспрессионистами».

Всегда испытывая огромные сомнения при попытках сведения неповторимых творческих индивидуальностей под одну вывеску с тем или иным «измом» классификации, а порой и псевдоклассификации, я должен признаться, что и в этом случае, даже для переведённых мной девяти поэтов из двадцати трёх, одно единое наименование для их очень различных поэтических пластик — слишком тесная и упрощающая оболочка. Тем более, что при жизни никто из них себя к «экспрессионизму» не причислял.

Но правдой является и то, что в поэзии каждого из них звучат ноты тяжёлых, а нередко и апокалиптических, предчувствий о будущем. Недаром стихотворения с одинаковым названием «Конец света» можно обнаружить даже в небольшой подборке этой второй главы и у Эльзы Ласкер-Шюлер, и у Якоба ван Ходдиса.

К моменту первого выхода в свет антологии «Сумерки человечества» в 1919 году шестерых авторов из двадцати трёх уже не было в живых. На фронтах Первой мировой войны погибли 27-летний Георг Тракль и 25-летний Альфред Лихтенштайн. Незадолго до войны утонул 24-летний Георг Гайм, один из наиболее талантливых и многообещающих поэтов этой плеяды. И в своих глобальных дурных предчувствиях и прорицаниях о грядущем веке поэты, мчавшиеся от одной даты ранней гибели к другой в «обречённом экспresse», не обманулись — двадцатое столетие собрало в своих безумных войнах и переворотах зловещую жатву — около ста сорока миллионов человеческих жизней, около ста сорока миллионов только убитых. Ещё больше — раненых,

искалеченных, обездоленных, потерявших родных и любимых, утративших и прошлое, и будущее...

Конечно, из этой группы переведённых мной девятерых немецких поэтов-«экспрессионистов» начала минувшего века наиболее близким мне остался по многим признакам Георг Тракль. Само название этой книги поэтических переводов «У белого ангела» заимствовано мной у давней аптечной вывески, осенившей биографию Георга Тракля уже более века назад, начиная с 1905 года. В том далёком году восемнадцатилетний Тракль, уже не мысливший себя вне поэзии, стал работать помощником провизора в зальцбургской аптеке «У белого ангела», расположенной неподалёку от старинного кладбища Святого Себастьяна.

Так что наверняка день за днём крылатые аллегорические фигуры белых кладбищенских ангелов из известняка и мрамора с потупленными или устремлёнными вдаль смиренными взорами попадали в поле зрения юного Тракля. Белый ангел поэзии уже тогда неизменно витал над его первыми поэтическими раздумьями и трудами.

И где-то совсем рядом кривился недоброй усмешкой другой, падший, ангел, окрашенный белоснежным колером кокаина. Тот самый антипод ангела-хранителя, который безвременно погубит поэта всего лишь через девять лет. Тогда, в 1905 году, если говорить точнее, кокаиновый мираж заменяли Георгу столь же радужные и манящие облака морфия и веронала, к которым юный стихотворец, увы, успел пристраститься навсегда. Но в ноябре 1914-го года после двух месяцев Галицийского фронта последнюю точку в жизни Тракля поставит именно «суицид вследствие интоксикации кокаином», как запишут в официальном медицинском заключении.

В июле 2015-го года, во время очередного летнего приезда в город моего рождения Львов, я, по уже сложившемуся обычаю, направлялся пешком от помпезного здания железнодорожного вокзала к старому центру города по замедленно-плавно текущей вниз и уже разогретой утренним солнцем улице Городецкой. Тогда на фасаде дома номер 50 мне впервые попала на глаза мемориальная доска, посвященная выдающемуся украинскому поэту-лирику Богдану-Игорю Антонычу, жившему во Львове в течение нескольких лет по этому адресу.

Антоныч также, как и Тракль, ушёл из жизни очень рано, тоже двадцатисемилетним, в тогда ещё польском Львове. И вот, в ту утреннюю львовскую минуту, при воспоминании о Георге Тракле, стихи которого уже стали мне интересны и нужны в последнее время, я подумал о том, что Гордоцкая, по которой я спускался сейчас размеренно, неторопливо и с благостным предвкушением новой своей встречи со Старым мистом, с Ратушной площадью, с каменным сердцем родного Львова, связывает меня неким дополнительным метафизическим пунктиром с Траклем. Ведь именно эта Городоцкая улица, если взойти по ней наверх и продолжить путь на запад за черту города, вскоре приведёт к тому самому галицийскому Городку-Гродеку, который по сути подвёл итог короткой биографии большого европейского поэта Георга Тракля.

В октябре 1914-го именно под Гродеком произошло кровопролитное сражение австро-венгерских войск с армией Брусилова. Тысячи солдат цесаря Франца-Иосифа, товарищей Тракля, служившего в санитарной роте, были тогда убиты и искалечены на реке Золотая Липа.

В полуразрушенном сарайном помещении в центре Гродека военный рецептариус Георг Тракль двое суток без сна, без отдыха, без каких-либо лекарств пытался в одиночку хотя бы чем-то помочь почти сотне тяжело раненных солдат.

В состоянии нервного срыва после двух изнуряющих суток в Гродеке, Тракль предпринимает первую попытку самоубийства. Его отправляют для обследования в военный госпиталь в Краков. И там, в больничной палате, вечером 3 ноября 1914 года он принимает смертельную дозу кокаина, окончательно подводя черту под своей земной жизнью — короткой, стремительной, но оставившей очень заметное творческое наследие в европейской поэзии.

Выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер, автор большой и проницательной статьи о Георге Тракле, так говорил о его полновзвучной поэтической музыке: «Многозначное звучание поэзии Тракля идёт от собранности, то есть от созвучия, которое само по себе всегда остаётся по ту сторону высказываемого. Многозначность этой поэтической речи — не приближительность, но строгость, и она принадлежит не тому, кто нечто

разрешил себе, но тому, кто от всего отрешил себя, предавшись заботе о «праведном взирании»».

Новые интонации, новые образные и мелодические вариации поэзии Георга Тракля притягательно прозрачны по звуку и по мысли, благотворно связаны с классической традицией немецкого стиха, но и одновременно несут на себе печать обречённости и самого автора, и его лирического мира, флюиды мрачного притяжения стихии распада, знак его судного времени. И это ощущения убывания и иссякания света, — и личностного, и всемирного, — становится всё болезненней, всё пронзительней в поздних, уже предгибельных стихах поэта. Заметно нарастает в его поздней поэтической пластике и сгущённость, герметичность, многозеркальность преломления образов.

«Я ощущаю себя почти по ту сторону мира» — пишет Тракль в письме к своему издателю 27 октября 1914 года, за неделю до самоубийства, посылая ему два своих последних стихотворения «Гродек» и «Плач». А чуть раньше написанные им на том же фронте стихи «На Востоке» заканчиваются словами:

*Тернистая пустошь опоясывает город,
С кровавых ступеней настагает луна
Перепуганных женщин.
Дикие волки ломятся через ворота.*

Трагедии нынешних дней встают перед глазами. И эти дикие, обуянные имперской алчностью и жестокостью волки, ломящиеся три последние года через восточные ворота Украины, так больно узнаваемы сегодня для каждого, кто ощущает себя сыном своей матери-земли!

А вслед моей неожиданной мысленной встрече с Антонычем и Траклем у дома номер 50 на Городоцкой улице родного Львова тогда же, летом 2015 года, я написал стихотворение «Три цветка», которое хотел бы перечитать здесь снова:

*На Городоцкой улице во Львове
в строенье 50, в квартире тётки,
вмиг промелькнула Игоря-Богдана
Антоныча рифмованная жизнь.
И в двадцать семь Господь забрал на небо
волшебного певца, Орфея-лемка,*

от пагубы ордынского погрома
Отцовской грудью чадо защитив —
как раз в канун второй нешадной бойни
подлейшего, похоже, из веков...
На Городоцкой улице, ведущей
из Львова в Городок, когда-то Гродек,
вдоль стреловидной готики Эльжбеты,
вдоль линии трамвая на вокзал...

В том Городке я знал ещё когда-то
поэта, поцелованного Богом,
который мог лишь постоянством боли,
лишь ежедневным окликаньем смерти
ответить небу...
Так же, в двадцать семь,
остановилась жизнь Георга Траклъ,
что в моцартовом Зальцбурге родился,
что разом чеха, венгра и германца
в речь и отраву киновари-крови
вместил,
что умер в санитарной роте
от кокаина, белого, как ангел,
от чёрных гроздей трупов пехотинцев —
в четырнадцатом гнилом году...

В том самом Городке, к самоубийству
он и пришёл.
Вороньим карком Краков
встречал его, дабы уже постфактум
внести в реестр осенних мертвецов.
Не дрогнул над могилою лицом
безглазый вяз, задубеневиший в лубе...
О трижды трижды три, о, тройка в кубе,
с фатальной подоплёкою число!
Оно ведь и Лермонтова повело
в печёринскую вздорную минуту
с приятелем Мартыновым стреляться
в погибельной тени горы Машук.

А здесь, на Городоцкой, в палисаде,
целует розу изумрудный жук.
Любуюсь этим существом нездешним —
а он, смарагд-пришлец, ещё и рвётся
в июльское тепло небес лететь.
Смотрю и ощущаю без сомненья,
что есть ещё на свете чудеса.
И вот три свежесрезанные розы
в холодную живительную воду,
в стекло поставлю — три пунцовых солнца,
тревожные, как образы у Тракля,
и нежные, как Игоря печаль...
Пусть дышат три цветка, три совершенства,
три невесомых и нездешних сердца
ещё день, два — самих себя живей...

Этот текст существует также на украинском и на немецком языках. По-украински написал его заново, а отнюдь не перевёл, я сам. А перевод «Трёх цветков» на немецкий язык выполнен поэтом из Берлина Якобом Матисом. Перевод этот вошёл в мою книгу-билингву «Вербное Воскресенье» 2016-го года. В ней помещено около сорока стихотворений параллельно на двух языках. Конечно же, я искренне признателен за это издание переводчикам Алексу Шмидту и Якобу Матису. А поскольку из песни слова не выбросить, добавлю, что на страницах «Вербного Воскресения» не раз встречаются строки с именами Райнера Рильке и Георга Тракля.

«И он из тех, кто мне доныне снится...» — произносил я когда-то о своём старшем друге, поэте Борисе Чичибабине в одном из стихотворений, посвящённых ему. Подобное я мог бы повторить и об ушедших из земной жизни в начале прошлого столетия Рильке и Тракле. И в этих словах не было бы и доли лукавства. Сны наяву — мои новые перечитывания их стихов, то кристально ясных по форме и по мысли, то устремлённых в веющие холодом и тревогой глубины непознанного и непознаваемого. Сны наяву — их всегда безошибочная мелодика стиха, их цветущее и плодоносное благозвучие.

Рильке и Тракл очень различны и по пластике, и по психологическому наполнению их произведений. Иначе и не могло случиться — очень разные жизненные пути суждены были этим

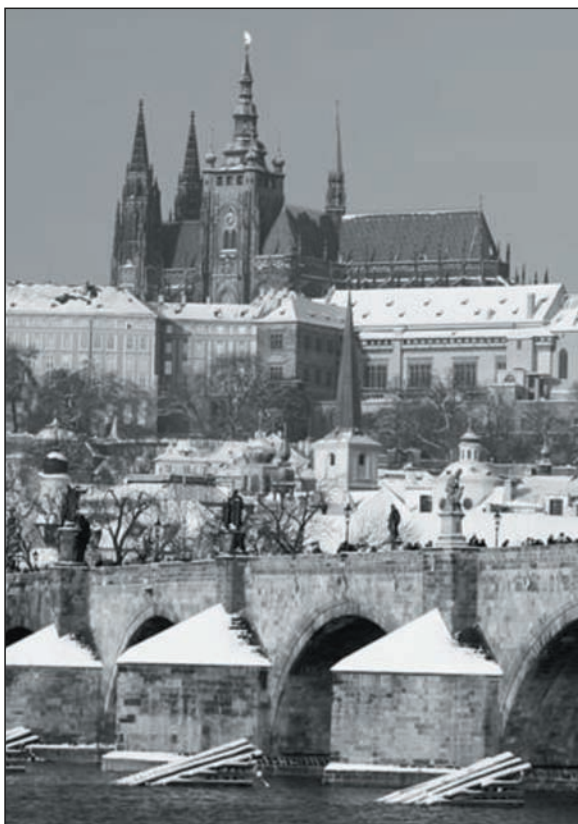
поэтам. Роднит двух австрийцев с немалой примесью славянской крови, двух аристократов немецкой и европейской поэзии в первую очередь то, что их творческие наследия в известной мере сегодня — ещё живее, чем это было век назад. Появляются всё новые и новые переводы их поэзии, её преданные читатели окликаются по всему реальному миру, и тем более во множестве узлов виртуальной всемирной паутины.

«Не сравнивай, живущий не сравним!» — восклицал Осип Мандельштам в своих воронежских стихах, добавляя в следующей строке — «с каким-то ласковым испугом я соглашался с равенством равнин...». Можно, безусловно, проводить и сравнительные филологические исследования поэзии Райнера Марии Рильке и Георга Тракля. Наверное, в правильной тональности, такой экскурс мог бы прозвучать интересно и гармонично. Но я не сравниваю их. Просто чту и люблю неповторимость обоих, и с радостью и благодарностью принимаю в себя их неумирающую словесную музыку.

2017

У БЕЛОГО АНГЕЛА

Сергей Шелковый

Прага, родной город Райнера Марии Рильке

I.

Зарождение века

переводы с немецкого

Rainer Maria Rilke (1875–1926)

BUDDHA

Als ob er horchte. Stille: eine Ferne...
Wir halten ein und hören sie nicht mehr.
Und er ist Stern. Und andre große Sterne,
die wir nicht sehen, stehen um ihn her.

O er ist alles. Wirklich, warten wir,
dass er uns sähe? Sollte er bedürfen?
Und wenn wir hier uns vor ihm niederwürfen,
er bliebe tief und träge wie ein Tier.

Dann das, was uns zu seinen Füßen reißt,
das kreist in ihm seit Millionen Jahren.
Er, der vergisst, was wir erfahren,
und der erfährt, was uns verweist.

Райнер Мария Рильке (1875–1926)

БУДДА

Ему всё внятно. Тишина и дали...
Нам не расслышать откровенья те.
А он звезда. И все созвездья встали
над ним и засветились в темноте.

Он — всё вокруг. И вправду ли теперь
он, глядя вниз, узнать нас пожелает?
Мы — те, кто ниц пред тайной припадают,
а он над нами — мощный томный зверь.

И то, что клонит нас к его ногам,
в нём миллионы лет уже кружится.
И он над чувством и над знаньем длится.
Он там, где не дано явиться нам.

DER TOD DES DICHTERS

Er lag. Sein aufgestelltes Antlitz war
bleich und verweigernd in den steilen Kissen,
seitdem die Welt und dieses von ihr Wissen,
von seinen Sinnen abgerissen,
zurückfiel an das teilnahmslose Jahr.

Die, so ihn leben sahen, wussten nicht,
wie sehr er eines war mit allem diesen,
denn dieses: diese Tiefen, diese Wiesen
und diese Wasser *waren* sein Gesicht.

O sein Gesicht war diese ganze Weite,
die jetzt noch zu ihm will und um ihn wirbt;
und seine Maske, die nun bang verstirbt,
ist zart und offen wie die Innenseite
von einer Frucht, die an der Luft verdirbt.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Лежал. Недвижен, тих и отчуждён.
Лицо на белом медленно бледнело,
когда его душа из плена тела
в пространства безымянные летела,
плыла назад, в беспмятство времён.

Не ведали, что мир и он — одно,
все, звавшие его при жизни другом,
что быть и гладью озера, и лугом
лицу поэта было суждено.

И в облике его — всё те же дали,
что ждут его и увлекают в плен;
а маска, тень посмертных перемен
так откровенна, словно плод сорвали
и нежность плоти обрекли на тлен.

HERBSTTAG

Herr, es ist Zeit. Der Sommer war sehr groß.
Leg deinen Schatten auf die Sonnenuhren,
und auf den Fluren lass die Winde los.

Befiehl den letzten Früchten, voll zu sein;
gib ihnen noch zwei südlichere Tage,
dränge sie zur Vollendung hin, und jage
die letzte Süße in den schweren Wein.

Wer jetzt kein Haus hat, baut sich keines mehr.
Wer jetzt allein ist, wird es lange bleiben,
wird wachen, lesen, lange Briefe schreiben
und wird in den Alleen hin und her
unruhig wandern, wenn die Blätter treiben.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Спасибо, Бог, за лета благодать.
На солнечных часах откликнись тенью,
и ветру дай на воле полетать.

Плодам последним вызреть повели,
ещё два дня горячих им даруя,
чтоб сладости замедленные струи
в тяжёлое вино перетекли.

Бездомному приюта не найти.
Кто одинок, тому смириться надо,
Узнать, что книга и перо — отрада,
и по аллее медленно идти
сквозь обречённый ропот листопада.

MONDNACHT

Weg in den Garten, tief wie ein langes Getränk,
leise im weichen Gezweig ein entgehender Schwung.
Oh und der Mond, der Mond, fast blühen die Bänke
von seiner zögernden Näherung.

Stille, wie drängt sie. Bist du jetzt oben erwacht?
Sternig und fühlend steht dir das Fenster entgegen.
Hände der Winde verlegen
an dein nahes Gesicht die entlegenste Nacht.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Путь через сад — как глубокое зелье живое.
В мягких ветвях шелестит еле слышно листва.
Месяц к скамье прикоснулся волной голубою,
так, что цветёт и скамейка, и рядом трава.

Плотно стоит тишина. Ты паришь в вышине?
Звёздные окна распахнуты всем твоим чувствам.
Руки ветров дарят лицам, родным, златоустым,
близость далёких ночей наяву и во сне.

AUS EINER KINDHEIT

Das Dunkeln war wie Reichtum in dem Raume,
darin der Knabe, sehr verheimlicht, saß.
Und als die Mutter eintrat wie im Traume,
erzitterte im stillen Schrank ein Glas.
Sie fühlte, wie das Zimmer sie verriet,
und küsste ihren Knaben: Bist du hier?..
Dann schauten beide bang nach dem Klavier,
denn manchen Abend hatte sie ein Lied,
darin das Kind sich seltsam tief verfang.

Es saß sehr still. Sein großes Schauen hing
an ihrer Hand, die ganz gebeugt vom Ringe,
als ob sie schwer in Schneewehn ginge,
über die weißen Tasten ging.

ИЗ ДЕТСТВА

Была роскошной тьма тех прежних комнат,
где к зыбкой тайне мальчика влекло.
Входила мать — и слышит он, и помнит —
в шкафу звенело тонкое стекло.
И подошла, неслышно, словно сон,
поцеловала сына: Вот где ты!...
И шли вдвоём к роялю — помнит он —
и ноты песни были так чисты,

что весь он замирал. Её рука,
с простым кольцом, по клавишам летала,
как будто через снежный морок шквала,
точно, свозь вязкость вьюги, и легка.

HERBST

Die Blätter fallen, fallen wie von weit,
als welkten in den Himmeln ferne Gärten;
sie fallen mit verneinender Gebärde.

Und in den Nächten fällt die schwere Erde
aus allen Sternen in die Einsamkeit.

Wir alle fallen. Diese Hand da fällt.
Und sieh dir andre an: es ist in allen.

Und doch ist Einer, welcher dieses Fallen
unendlich sanft in seinen Händen hält.

ОСЕНЬ

Летит листва, и грустен окоём,
как будто сад далёкий в небе вянет,
как будто дней не стало, самых лучших.

И падает земля средь звёзд колючих
в безмерном одиночестве своём.

Мы все падём. Твоя рука падёт.
И скорбь исчезновенья — всё бездонней.

Но есть Один, кто на свои ладони
падение это с нежностью возьмёт.

***IST SCHMERZ,
SOBALD AN EINE NEUE SCHICHT***

Ist Schmerz, sobald an eine neue Schicht
die Pflugschar reicht, die sicher eingesetzte,
ist Schmerz nicht gut? Und welches ist der letzte,
der uns in allen Schmerzen unterbricht?

Wieviel ist aufzuleiden. Wann war Zeit,
das andre, leichtere Gefühl zu leisten?
Und doch erkenn ich, besser als die meisten
einst Auferstehenden, die Seligkeit.

* * *

Сквозь новый пласт проходит с болью плуг.
Чем твёрже сталь, тем мягче пашня ляжет.
Добра ли боль? И кто из живших скажет,
что не узнал он боли полный круг?

Как много боли. Надо ль вспоминать
о прежних чувствах, лёгких, отлетевших?
И всё же благодарней всех воскресших
я знаю этой жизни благодать.

**JETZT REIFEN SCHON
DIE ROTEN BERBERITZEN**

Jetzt reifen schon die roten Berberitzen,
alternde A stern atmen schwach im Beet.
Wer jetzt nicht reich ist, da der Sommer geht,
wird immer warten und sich nie besitzen.

Wer jetzt nicht seine Augen schließen kann,
gewiss, dass eine Fülle von Gesichtern
in ihm nur wartet bis die Nacht begann,
um sich in seinem Dunkel aufzurichten: —
der ist vergangen wie ein alter Mann.

Dem kommt nichts mehr, dem stößt kein Tag mehr zu,
und alles lügt ihn an, was ihm geschieht;
auch du, mein Gott. Und wie ein Stein bist du,
welcher ihn täglich in die Tiefe zieht.

* * *

Налился барбарис огнём багряным.
Дряхлеют астры, вяло дышит сад.
И кто не стал до осени богат,
пребудет тем же — к радости не званным.

А кто усталых век не опустил,
глаз не прикрыл, тому видений сонм
является средь призрачных могил.
И видит он о давнем прошлом сон,
печальный старец, человек без сил.

Как сникшие осенние цветы,
бездушны дни, что лгут в лицо ему.
И ты, мой Боже, — словно камень ты,
несущийся на дно, в немую тьму.

ABSCHIED

Wie hab ich das gefühlt was Abschied heißt.
Wie weiß ichs noch: ein dunkles unverwundnes
grausames Etwas, das ein Schönverbundnes
noch einmal zeigt und hinhält und zerreißt.

Wie war ich ohne Wehr, dem zuzuschauen,
das, da es mich, mich rufend, gehen ließ.
Zurückblieb, so als wärens alle Frauen
und dennoch klein und weiß und nichts als dies:

Ein Winken, schon nicht mehr auf mich bezogen,
ein leise Weiterwinkendes —, schon kaum
erklärbar mehr: vielleicht ein Pflaumenbaum,
von dem ein Kuckuck hastig abgeflogen.

РАССТАВАНИЕ

О да, я смысл разлуки ощутил.
В ней Нечто, разрушения химера,
даёт лишь отблеск красоты и веры
и отнимает тех, кто нас любил.

И беззащитен я при узнаванье
тех дней, откуда тянутся ко мне,
белея, давних женских рук касанья,
где вижу я в пространстве, в глубине:

прощальный взмах слабеет в отдаленье,
и марево — всё призрачней, бледней,
как та верхушка сливы, и над ней —
кукушки взлёт, обрывок сновиденья.

NACHTHIMMEL UND STERNENFALL

Der Himmel, groß, voll herrlicher Verhaltung,
ein Vorrat Raum, ein Übermaß von Welt.
Und wir, zu ferne für die Angestaltung,
zu nahe für die Abkehr hingestellt.

Da fällt ein Stern! Und unser Wunsch an ihn,
bestürzten Aufblicks, dringend angeschlossen:
Was ist begonnen, und was ist verflossen?
Was ist verschuldet? Und was ist verziehn?

НОЧНОЕ НЕБО И ЗВЕЗДОПАД

В размахе неба, в царственном сиянье —
Пространства нескончаемых миров.
Мы слишком далеки от осознания
Их властной яви и всемогущих снов.

Паденье звёзд! Их искрам суждено
Возжечь глубинный отсвет в человеке.
Что началось? Что кануло навеки?
Кто виноват? Что будет прощено?

MUSIK

Was spielst du, Knabe? Durch die Garten gings
wie viele Schritte, flüsternde Befehle.
Was spielst du, Knabe? Siehe deine Seele
verfing sich in den Stäben der Syrinx.

Was lockst du sie? Der Klang ist wie ein Kerker,
darin sie sich versäumt und sich versehnt;
stark ist dein Leben, doch dein Lied ist stärker,
an deine Sehnsucht schluchzend angelehnt. —

Gieb ihr ein Schweigen, daß die Seele leise
heimkehre in das Flutende und Viele,
darin sie lebte, wachsend, weit und weise,
eh du sie zwangst in deine zarten Spiele.

Wie sie schon matter mit den Flügeln schlägt:
so wirst du, Träumer, ihren Flug vergeuden,
daß ihre Schwinge, vom Gesang zersägt,
sie nicht mehr über meine Mauern trägt,
wenn ich sie rufen werde zu den Freuden.

МУЗЫКА

Что, мальчик, ты играешь? В тёмный сад
тебя уводит тяга к тайной цели.
И средь ветвей, средь выдохов свирели
твоя душа блуждает наугад.

Зовёшь её? Звук музыки, слабея,
летит к душе, затерянной в ночи.
Да, глубже жизни песня, и сильнее,
но о печали, юный мой, смолчи.

Молчанье дай душе, чтоб возвратилась
к разливу вод, к небесному размаху,
чтоб ощутила вновь в пространстве милость
волшебных игр, не ведающих страха.

Росой на крылья ляжет тяжесть сна,
твоя мечта, рождённая не всуе,
во тьме уже едва-едва слышна,
и не взлетит над стенами она,
когда к ней снова радость позову я.

***DENN SIEH: SIE WERDEN LEBEN
UND SICH MEHREN***

Denn sieh: sie werden leben und sich mehrern
und nicht bezwungen werden von der Zeit,
und werden wachsen wie des Waldes Beeren
den Boden bergend unter Süßigkeit.

Denn selig sind, die niemals sich entfernten
und still im Regen standen ohne Dach;
zu ihnen werden kommen alle Ernten,
und ihre Frucht wird voll sein tausendfach.

Sie werden dauern über jedes Ende
und über Reiche, deren Sinn verrinnt,
und werden sich wie ausgeruhte Hände
erheben, wenn die Hände aller Stände
und aller Völker müde sind.

* * *

Мы будем жить и на пути высоком
преодолеем дней подспудный гнёт.
Так ягода, упорно полнясь соком,
из-под суглинка леса сладость пьёт.

Блажен отважный, кто сквозь все напасти,
сквозь шквалы гроз прямой стезёй идёт;
и он познает спелой жатвы счастье,
тысячекратно умножая плод.

Труд наших рук переживёт границы
империй и натужную их власть.
И будет наших глаз сиянье длиться,
когда устанут всех народов лица,
утратив пыл и страсть.

ABEND

Der Abend wechselt langsam die Gewänder,
die ihm ein Rand von alten Bäumen hält;
du schaust: und von dir scheiden sich die Länder,
ein himmelfahrendes und eins, das fällt;

und lassen dich, zu keinem ganz gehörend,
nicht ganz so dunkel wie das Haus, das schweigt,
nicht ganz so sicher Ewiges beschwörend
wie das, was Stern wird jede Nacht und steigt —

und lassen dir (unsäglich zu entwirrn)
dein Leben bang und riesenhaft und reifend,
so dass es, bald begrenzt und bald begreifend,
abwechselnd Stein in dir wird und Gestirn.

ВЕЧЕР

Меняет вечер плавно облаченье,
и здесь, где сонно дышит старый лес,
вновь полнится твоих миров свеченье,
то взлёты, то падения с небес.

И ты не отдан никому доныне
там, где густеют сумерек цвета,
и где в тиши вечерней влажно-синей
встаёт, по зову вечности, звезда.

И больно окоёму догорать,
а жизнь созрела — трепетна, бескрайня,
изменчива и сопричастна тайне:
в душе — то камень, то звезда опять.

**VIELLEICHT, DASS ICH DURCH
SCHWERE BERGE GEHE**

Vielleicht, dass ich durch schwere Berge gehe
in harten Adern, wie ein Erz allein;
und bin so tief, dass ich kein Ende sehe
und keine Ferne: alles wurde Nähe,
und alle Nähe wurde Stein.

Ich bin ja noch kein Wissender im Wehe,
so macht mich dieses große Dunkel klein;
bist *Du* es aber: mach dich schwer, brich ein:
dass deine ganze Hand an mir geschehe
und ich an dir mit meinem ganzen Schrein.

* * *

Я каменную гору разрываю,
идя подземной жилою руды,
зияет глубь, густеет тьма без края,
но скрыта даль, лишь ближний круг сжимая,
немеют в камне дней моих труды.

Узнаю ли предел душевной боли,
пробьюсь ли сквозь гнетущей тьмы слои?
Но весь мой мир — в Тебе. О, Элои,
коснись меня рукой всеильной воли.
В тебе — все испытания мои.

BEI TAG BIST DU DAS HÖRENSAGEN

Bei Tag bist du das Hörensagen,
das flüsternd um die Vielen fließt;
die Stille nach dem Stundenschlagen,
welche sich langsam wieder schließt.

Jemehr der Tag mit immer schwächern
Gebärden sich nach Abend neigt,
jemehr bist du, mein Gott. Es steigt
dein Reich wie Rauch aus allen Dächern.

* * *

Твой день уходит, тихо тая,
смолкает шёпот, шелест фраз.
И бьют часы, оповещая,
что близится заката час.

Слабеет день и угасает,
но Божий мир неугасим.
И царствия Господня дым,
светясь, над крышами взлетает.

**IN DIESEM DORFE STEHT
DAS LETZTE HAUS**

In diesem Dorfe steht das letzte Haus
so einsam wie das letzte Haus der Welt.

Die Straße, die das kleine Dorf nicht hält,
geht langsam weiter in die Nacht hinaus.

Das kleine Dorf ist nur ein Übergang
zwischen zwei Weiten, ahnungsvoll und bang,
ein Weg an Häusern hin statt eines Stegs.

Und die das Dorf verlassen, wandern lang,
und viele sterben vielleicht unterwegs.

* * *

Дом на краю села так одиноко,
что кажется последним на земле.

И не увидишь в полуночной мгле
к селенью подступающих дорог.

И маленькое тёмное село
как будто меж двух далей пролегло,
тая в себе предчувствий смутный страх.

Как будто полселенья прочь ушло,
чтоб сгинуть в неприветливых краях.

**VOM ZEICHNER DRINGEND
HINGEBALLTER SCHATTEN**

Vom Zeichner dringend hingeballter Schatten
hinter das nur noch *scheinende* Gesicht:
so kommt die Nacht dem reinen Stern zustatten.

Da ist ein Ding, das alles unterbricht,
wozu die Dinge sich verstanden hatten;
denn, da es wurde, siehe: *war es nicht*.

O langer Weg zum schuldlosen Verzicht.
O Mühe zum ermächtigten Ermatten.

* * *

И тень творца, и блик его ладони
вдоль облика неясного мелькнут,
ночь развернётся в полнозвёздном лоне.

И это — вещи, что опять уйдут,
непознанные, в еле внятном звоне
таинственных столетий и минут.

О, путь вещей, их отречения труд,
О, неустанность в жертвенном законе.

Сергей Шелковый

У белого АНГЕЛА

Зальцбург, родина поэта Георга Тракля

II.

Обречённый экспресс

переводы с немецкого

Gottfried Benn **(1886–1956)**

EINSAMER NIE

Einsamer nie als im August:
Erfüllungsstunde — im Gelände
Die roten und die goldenen Brände
Doch wo ist deiner Gärten Lust?

Die Seen hell, die Himmel weich,
Die Äcker rein und glänzen leise,
Doch wo sind Sieg und Siegsbeweise
Aus dem von dir vertretenen Reich?

Wo alles sich durch Glück beweist
Und tauscht den Blick und tauscht die Ringe
Im Weingeruch, im Rausch der Dinge —
Dienst du dem Gegenglück — dem Geist

Готфрид Бенн (1886–1956)

БЕЗМЕРНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Печален в августе твой стих
И одинок среди свершений
бесчисленных плодоношений.
Так в чём же суть садов твоих?

В сиянье дня пруд голубой,
Холмы и доли — всё светлее.
А где ж побед твоих трофеи
Из царств, растоптанных тобой?

Там счастлив взор влюблённых двух,
Сплетающих в единстве руки,
Там хмель, вино и рая звуки.
А твой удел — суровый дух.

SCHÖNE JUGEND

Der Mund eines Mädchens,
das lange im Schilf gelegen hatte,
sah so angeknabbert aus.
Als man die Brust aufbrach,
war die Speiseröhre so löcherig.
Schließlich in einer Laube unter dem Zwerchfell
fand man ein Nest von jungen Ratten.
Ein kleines Schwesterchen lag tot.
Die ändern lebten von Leber und Niere,
tranken das kalte Blut und hatten
hier eine schöne Jugend verlebt.
Und schön und schnell kam auch ihr Tod:
Man warf sie allesamt ins Wasser.
Ach, wie die kleinen Schnauzen quietschten!

ПРЕКРАСНАЯ ЮНОСТЬ

Рот девушки, долго пролежавшей в камышах,
 Был полностью обглодан.
 А когда обнажилась грудь,
 Показался пищевод,
 весь в прогрызенных дырах.
 Наконец в листьях под диафрагмой
 Обнаружилось гнездо молодых крыс.
 Маленькая сестричка сдохла,
 А остальные доедали печень и почки,
 Пили холодную кровь
 И пережили здесь прекрасную юность.
 Но и смерть пришла к ним быстро и прекрасно.
 Их всех вместе бросили в воду.
 Ах, как пищала вся эта мелюзга!

KLEINE ASTER

Ein ersoffener Bierfahrer wurde auf den
Tisch gestemmt.
Irgendeiner hatte ihm eine dunkelhellila Aster
zwischen die Zähne geklemmt.
Als ich von der Brust aus
unter der Haut
mit einem langen Messer
Zunge und Gaumen herausschnitt,
muß ich sie angestoßen haben, denn sie glitt
in das nebenliegende Gehirn.
Ich packte sie ihm in die Brusthöhle
zwischen die Holzwolle,
als man zunähte.
Trinke dich satt in deiner Vase!
Ruhe sanft,
kleine Aster!

МАЛЕНЬКАЯ АСТРА

Пьяного разносчика пива прижали
к столу.
Кто-то воткнул ему между зубами
Тёмносветлолиловую астру.
Когда я со стороны груди
Под кожей
Вырезал длинным ножом
Язык и поднёбье,
Я должен был её протолкнуть,
Так как она скользнула
В расположенный по соседству мозг.
Я затолкал астру в полость груди
Между нитками,
Когда тело зашивали.
Упивайся в своей вазе!
Нежного тебе покоя,
Маленькая астра!

Georg Heym (1887–1912)

DIE GEFANGENEN

Sie trampeln um den Hof im engen Kreis.
Ihr Blick schweift hin und her im kahlen Raum.
Er sucht nach einem Feld, nach einem Baum,
Und prallt zurück von kahler Mauern Weiß.

Wie in den Mühlen dreht der Rädergang,
So dreht sich ihrer Schritte schwarze Spur.
Und wie ein Schädel mit der Mönchstonsur,
So liegt des Hofes Mitte kahl und blank.

Es regnet dünn auf ihren kurzen Rock.
Sie schaun betrübt die graue Wand empor,
Wo kleine Fenster sind, mit Kasten vor,
Wie schwarze Waben in dem Bienenstock.

Man treibt sie ein, wie Schafe zu der Schur.
Die grauen Rücken drängen in den Stall.
Und klappernd schallt heraus der Widerhall
Der Holzpantoffeln auf dem Treppenflur.

Георг Гайм (1887–1912)

ПЛЕННЫЕ

Кружат двором понуро дотемна.
Вдоль стен унылых взоры их скользят.
Хоть куст, хоть лист любой увидеть рад,
Но непреклонна грубая стена.

Круги — вращенье мельничных колёс.
Стал двор и гол, и мокр после дождя,
Монашеской тонзурую блестя.
И след несчастных месит грязь взасос.

Дождь въелся в куртки их, и гарь, и дым.
Угрюмо возвышается стена.
И ящики у каждого окна
Тесны, подобно сотам восковым.

Как будто бы овец согнали в круг,
Для стрижки спины серые гребут.
И метит путь на торопливый суд, —
Их башмаков-колодок перестук.

LETZTE WACHE

Wie dunkel sind deine Schläfen
Und deine Hände so schwer.
Bist du schon weit von dannen,
Und hörst mich nicht mehr?

Unter dem flackernden Lichte
Bist du so traurig und alt,
Und deine Lippen sind grausam
In ewige Starre gekrallt.

Morgen schon ist hier das Schweigen
Und vielleicht in der Luft
Noch das Rascheln von Kränzen
Und ein verwesender Duft.

Aber die Nächte werden leerer nun,
Jahr um Jahr,
Hier wo dein Haupt lag und leise
Immer dein Atem war.

ПОСЛЕДНЯЯ ВАХТА

Темнеют виски твои впало,
И руки на грудь легли.
И ты меня больше не слышишь
В нездешней своей дали.

И в призрачной дрожи света
Мертво и печально чело.
А губы твои навеки
Последнею болью свело.

Здесь завтра всё онемееет,
И будет бесплотно сух
Шелест венков могильных,
И скорбен тления дух.

И будут тянуться ночи,
Пустые, за годом год.
И от изголовья тихо
Дыханье твоё уйдёт.

Else Lasker-Schüler (1869–1945)

EIN ALTER TIBETTEPPICH

Deine Seele, die die meine liebet,
Ist verwirkt mit ihr im Teppichtibet.

Strahl in Strahl, verliebte Farben,
Sterne, die sich himmellang umwarben.

Unsere Füße ruhen auf der Kostbarkeit,
Maschentausendabertausendweit.

Süßer Lamasohn auf Moschuspflenzentron,
Wie lange küsst dein Mund den meinen wohl
Und Wang die Wange buntgeknüpfte Zeiten schon?

Эльза Ласкер-Шюлер
(1869–1945)

СТАРЫЙ ТИБЕТСКИЙ КОВЁР

Твоя душа, сроднённая с моей,
В тибетском ворсе грезит вместе с ней.

Мы — два луча в любовных колерах,
И две звезды в заоблачных мирах.

Сокровища у наших стоп легли,
Сто тысяч нитей радуги сплели.

Ты — Ламы сын. В соцветиях твой трон.
Надолго ль дан мне губ твоих пион?
Или щека к щеке — лишь чудный сон?

WELTENDE

Es ist ein Weinen in der Welt,
Als ob der liebe Gott gestorben wär,
Und der bleierne Schatten, der niederfällt,
Lastet grabesschwer.

Komm, wir wollen uns näher verbergen .
Das Leben liegt in aller Herzen
Wie in Särgen.

Du! wir wollen uns tief küssen
Es pocht eine Sehnsucht an die Welt,
An der wir sterben müssen.

КОНЕЦ СВЕТА

Повсюду слышен в мире плач,
Как будто Бог ушёл из жизни.
И тени мрачные повисли
Над всеми — гнёт свинца, палач.

Идём, мы спрятаться должны,
Жизнь затаилась в каждом сердце,
Как в гробе сны.

Ты! жарок в поцелуе рот,
Но мир в тоске, шаги всё ближе —
То суд грядёт.

MEIN BLAUES KLAVIER

Ich habe zu Hause ein blaues Klavier
Und kenne doch keine Note.

Es steht im Dunkel der Kellertür,
Seitdem die Welt verrohte.

Es spielen Sternenhände vier
— Die Mondfrau sang im Boote —
Nun tanzen die Ratten im Geklirr.

Zerbrochen ist die Klaviatur...
Ich beweine die blaue Tote.

Ach liebe Engel öffnet mir
— Ich aß vom bitteren Brote —
Mir lebend schon die Himmelstür —
Auch wider dem Verbote.

МОЙ ГОЛУБОЙ РОЯЛЬ

В доме моём — голубой рояль,
Но я не играла, не пела.

В подвале стоит он, где тьма и печаль,
А мир одичал до предела.

И звёзды играют в четыре руки
— А дева с луны подпевает —
И крысы танцуют, чудить мастаки,

Белеют расколотых клавиш куски,
И звук синева погибает.

О, ангелы, хлеб мой и горек, и сух
— Хоть я ещё не умираю —
Запреты не сломят небесный мой дух.
В нём — синь, в нём — и облако к раю.

HEIMLICH ZUR NACHT

Ich habe dich gewählt
Unter allen Sternen.

Und bin wach — eine lauschende Blume
Im summenden Laub.

Unsere Lippen wollen Honig bereiten,
Unsere schimmernden Nächte sind aufgeblüht.

An dem seligen Glanz deines Leibes
Zündet mein Herz seine Himmel an —

Alle meine Träume hängen an deinem Golde,
Ich habe dich gewählt unter allen Sternen.

ТАЙНО К НОЧИ

Я выбрала тебя
Между всех звёзд.

Я настороже, я — цветок,
Что вслушивается в гудение листвы.

Наши губы хотят обрести мёд,
Наши мерцающие ночи расцвели.

В блаженном блеске твоего тела
Моё сердце зажигает своё небо —

Все мои сны подвешены на твоём золоте,
Я выбрала тебя между всех звёзд.

Alfred Lichtenstein (1889–1914)

PROPHEZEIUNG

Einmal kommt — ich habe Zeichen
Sterbesturm aus fernem Norden.
Überall stinkt es nach Leichen.
Es beginnt das große Morden.

Finster wird der Himmelsklumpen,
Sturmtod hebt die Klauentatzen.
Nieder stürzen alle Lumpen.
Mimen bersten. Mädchen platzen.

Polternd fallen Pferdeställe.
Keine Fliege kann sich retten.
Schöne homosexuelle
Männer kullern aus den Betten.

Rissig werden Häuserwände.
Fische faulen in dem Flusse.
Alles nimmt ein ekles Ende.
Krächzend kippen Omnibusse.

Альфред Лихтенштайн (1889–1914)

ПРОРОЧЕСТВО

Чую: мир охватят скоро
беда без конца и края.
Засмердят убитых горы,
Вспыхнет бойня мировая.

Помрачнеет купол неба.
Смерть, когтистый зверь, взъярится.
Люмпен ниц падёт нелепо,
Мимы вслед за ним, девицы.

Стены хлевов и конюшен
Рухнут — муха не спасётся.
Гей, крашен и надушен,
Под кроватью задохнётся.

Целый мир лежит в руинах,
В страхе мост над Рейном выгнут.
Всех, виновных и невинных,
Муки гибели настигнут.

NEBEL

Blutlose Bäume lösen sich in Rauch.
Ein Nebel hat die Welt so weich zerstört.
Und Schatten schweben, wo man Schreie hört.
Brennende Biester schwinden hin wie Hauch.

Gefangne Fliegen sind die Gaslaternen.
Und jede flackert, daß sie noch entrinne.
Doch seitlich lauert glimmend hoch in Fernen
Der giftge Mond, die fette Nebelspinne.

Wir aber, die, verrucht, zum Tode taugen,
Zerschreiten knirschend diese wüste Pracht.
Und stechen stumm die weißen Elendsaugen
Wie Spieße in die aufgeschwollne Nacht.

ТУМАН

Бескровные деревья тают дымом,
И мягко разрушает всё туман.
Дрожь теней, криков сдавленных обман.
И звери гибнут в омуте незримом.

Как мухи-пленницы, огни застыли тихо,
Им убежать бы, заметя свой след.
Но стережёт их хищный, жирный свет
Луны, насытой, словно паучиха.

Мы все, неотвратимой смерти вторя,
Растопчем дикой роскоши хрусталь.
И белые глаза ночного горя
Вонзим во тьму, в жестокую печаль.

DAS KONTERT

Die nackten Stühle horchen sonderbar
beängstigend und still, als gäbe es Gefahr.
Nur manche sind mit einem Mensch bedeckt.

Ein grünes Fräulein sieht oft in ein Buch.
Und einer findet bald ein Taschentuch.
Und Stiefel sind ganz gräßlich angedreht.

Aus offenem Munde tönt ein alter Mann.
Ein Jüngling blickt ein junges Mädchen an.
Ein Knabe spielt an seinem Hosenknopf.

Auf einem Podium schaukelt sich behend
ein Leib bei einem ernsten Instrument.
Auf einem Kragen liegt ein blanker Knopf.

Kreischt. Und zerreißt.

КОНЦЕРТ

Пустуют стулья. Зал насторожён
в надежде, что заполнен будет он.
А вот и новый слушатель пришёл.

Нимфетка сонно смотрит в потолок,
отец её вдруг уронил платок.
Подошвы чьи-то измарали пол.

Старик раззявил рот — впрямь, как певец!
К девице взором прикипел юнец.
И пуговицу мальчик теребит.

На сцене, усмиряя контрабас,
качнулся исполнитель пару раз.
Как пуговка на ворота блестит!

Треск. Оторвалась. Что за стыд!

Georg Trakl (1887–1914)

WUNDERLICHER FRÜHLING

Wohl um die tiefe Mittagszeit,
Lag ich auf einem alten Stein,
Vor mir in wunderlichem Kleid
Standen drei Engel im Sonnenschein.

O ahnungsvolles Frühlingsjahr!
Im Acker schmolz der letzte Schnee,
Und zitternd hing der Birke Haar
In den kalten, klaren See.

Vom Himmel wehte ein blaues Band,
Und schön floss eine Wolke herein,
Der lag ich träumend zugewandt —
Die Engel knieten im Sonnenschein.

Laut sang ein Vogel Wundermär,
Und konnt mit einmal ihn verstehn:
Eh' noch gestillt dein erst' Begehr,
Musst sterben gehn, musst sterben gehn!

Георг Тракль (1887–1914)

ЧУДЕСНАЯ ВЕСНА

В тот миг, когда полудня ветер затих,
Я, лёжа на камне, увидел во сне,
Как в ризах явились ко мне золотых
Три ангела с вестью о юной весне.

О, чудо весенних сиятельных дней!
На пашнях — последние горсти снегов.
Берёзы склоняют покорность ветвей
К холодным и ясным зеркалам прудов.

Лазурною лентой блестят небеса,
И белые тучи неспешно плывут.
Смотрю и мечтаю — покой и краса!
И ангелы солнцу поклоны кладут.

И птицы звенят. Но, увы, неспроста
Плетёт бытие свою ловчую сеть:
И, прежде, чем сбыться успеет мечта,
Ты должен уйти навсегда, умереть!

KINDHEITSERINNERUNG

Die Sonne scheint einsam am Nachmittag,
Und leise entschwebt der Ton der Immen.
Im Garten flüstern der Schwestern Stimmen —
Da lauscht der Knabe im Holzverschlag,

Noch fiebernd über Buch und Bild.
Müd welken die Linden im Blau versunken.
Ein Reiher hängt reglos im Äther ertrunken,
Am Zaun phantastisches Schattenwerk spielt.

Die Schwestern gehen still ins Haus,
Und ihre weißen Kleider schimmern
Bald ungewiss aus hellen Zimmern,
Und wirr erstirbt der Büsche Gebraus.

Der Knabe streichelt der Katze Haar,
Verzaubert von ihrer Augen Spiegel.
Ein Orgelklang hebt fern am Hügel
Sich auf zum Himmel wunderbar.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Радостью солнечный полдень объят,
В воздухе гулы пчелиные зреют.
Платья сестёр за ветвями белеют.
Мальчик задумчиво слушает сад,

В книге страницу листком заложив.
Липы от зноя увяли, ослабли.
В небе парит белокрылая цапля.
Дрожь светотени, игра, перелив —

В лозах ограды. Вот в дом, торопясь,
Сёстры вбегают в ромашковых платьях.
Ветру из сада уже не догнать их —
Сник, пробиваясь сквозь зарослей вязь.

Мальчик погладил по шерсти кота,
Очи питомца блестят зеркалами.
Голос органа встаёт над холмами,
Ясен и чист, как небес высота.

IN DEN NACHMITTAG GEFLÜSTERT

Sonne, herbstlich dünn und zag,
Und das Obst fällt von den Bäumen.
Stille wohnt in blauen Räumen
Einen langen Nachmittag.

Sterbeklänge von Metall;
Und ein weißes Tier bricht nieder.
Brauner Mädchen rauhe Lieder
Sind verweht im Blätterfall.

Stirne Gottes Farben träumt,
Spürt des Wahnsinns sanfte Flügel.
Schatten drehen sich am Hügel
Von Verwesung schwarz umsäumt.

Dämmerung voll Ruh und Wein;
Traurige Gitarren rinnen.
Und zur milden Lampe drinnen
Kehrst du wie im Traume ein.

НАШЕПТАНО ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Солнце, осени теплынь.
Ветви мёд плодов роняют.
Полдень медленно ласкает
Плавных сводов высь и синь.

Блеск металла — смерти взгляд,
Белый зверь — зимы виденье.
Девушек-смуглянок пенье
Заглушает листопад.

Богу снятся колера,
Нежного крыла биенье.
На холмы бросает тени
Предзакатная пора.

Сумерки, покой, вино;
Звон гитары всё печальней
Тихий свет от лампы дальней.
Сон ли, явь ли — всё равно...

VERKLÄRTER HERBST

Gewaltig endet so das Jahr
Mit goldnem Wein und Frucht der Gärten.
Rund schweigen Wälder wunderbar
Und sind des Einsamen Gefährten.

Da sagt der Landmann: Es ist gut.
Ihr Abendglocken lang und leise
Gebt noch zum Ende frohen Mut.
Ein Vogelzug grüßt auf der Reise.

Es ist der Liebe milde Zeit.
Im Kahn den blauen Fluss hinunter
Wie schön sich Bild an Bildchen reiht —
Das geht in Ruh und Schweigen unter.

ПРОСВЕТЛЁННАЯ ОСЕНЬ

В богатстве сил уходит год,
в плодах багряных, в тяжких лозах.
И одиночество живёт
в тиши лесов златоволосых...

Крестьянин скажет: дай-то Бог!
Вечерний звон плывёт вдоль луга.
И мужество приходит в срок,
когда спешат все птицы к югу.

И с неба милосердья час
снисходит синею рекою.
И образов иконостас
молчанья полон и покоя.

VERFALL

Am Abend, wenn die Glocken Frieden läuten,
Folg ich der Vögel wundervollen Flügen,
Die lang geschart, gleich frommen Pilgerzügen,
Entschwinden in den herbstlich klaren Weiten.

Hinwandelnd durch den dämmervollen Garten
Träum ich nach ihren helleren Geschicken
Und fühl der Stunden Weiser kaum mehr rücken.
So folg ich über Wolken ihren Fahrten.

Da macht ein Hauch mich von Verfall erzittern.
Die Amsel klagt in den entlaubten Zweigen.
Es schwankt der rote Wein an rostigen Gittern,

Indes wie blasser Kinder Todesreigen
Um dunkle Brunnenränder, die verwittern,
Im Wind sich fröstelnd blaue Asten neigen.

ЗАПУСТЕНИЕ

Осенний ветер. Колокол стихает.
Прощанье птиц теснит мне грудь волненьем,
Когда они с печалью и смиреньем,
Паломники, в прозрачном небе тают.

Сквозь сумерки иду вечерним садом,
О стае грезя, светлой и крылатой,
И, полон невозвратных дней утратой,
Путь в облаках прочерчиваю взглядом.

И вновь повеет грустью запустенья,
Заплачет дрозд в крушине одичавшей.
В узор оград багрянец лоз вплетён.

И млеющих детей немые тени
прячут бескровно над фонтана чашей.
И в синих астрах крепнет стужи сон.

DER GEWITTERABEND

O die roten Abendstunden!
Flimmernd schwankt am offenen Fenster
Weinlaub wirr ins Blau gewunden,
Drinne nisten Angstgespenster.

Staub tanzt im Gestank der Gossen.
Klirrend stößt der Wind in Scheiben.
Einen Zug von wilden Rossen
Blitze grelle Wolken treiben.

Laut zerspringt der Weiherspiegel.
Möven schrein am Fensterrahmen.
Feuerreiter sprengt vom Hügel
Und zerschellt im Tann zu Flammen.

Kranke kreischen im Spital.
Bläulich schwirrt der Nacht Gefieder.
Glitzernd braust mit einem Male
Regen auf die Dächer nieder.

ГРОЗОВОЙ ВЕЧЕР

О, багровый час заката!
Окна в отблесках раскрыты.
В гуще вяза винограда
Гнёзда призраков укрыты.

Пыль над стоком в танце взмыла.
Ветер в ставни ударяет.
Словно дикие кобылы,
Тучи бег свой ускоряют.

Лопнуло пруда зеркало,
Чайки с криками взлетели
Над окном. И всадник алый
Молнией пронзает ели.

Ночь вскипает синей кровью.
Визг за стёклами больницы.
Хлынул с маху дождь на кровлю —
Пенится, звенит, искрится.

*MUSIK IN MIRABELL**2. Fassung*

Ein Brunnen singt. Die Wolken stehn
Im klaren Blau, die weißen, zarten.
Bedächtig stille Menschen gehn
Am Abend durch den alten Garten.

Der Ahnen Marmor ist ergraut.
Ein Vogelzug streift in die Weiten.
Ein Faun mit toten Augen schaut
Nach Schatten, die ins Dunkel gleiten.

Das Laub fällt rot vom alten Baum
Und kreist herein durchs offene Fenster.
Ein Feuerschein glüht auf im Raum
Und malet trübe Angstgespenster.

Ein weißer Fremdling tritt ins Haus.
Ein Hund stürzt durch verfallene Gänge.
Die Magd löscht eine Lampe aus,
Das Ohr hört nachts Sonatenklänge.

МУЗЫКА В МИРАБЕЛЛЕ*
2-я редакция

Фонтан поёт, и облака —
Белы, нежны средь сини яркой.
А к вечеру два старика
Гуляют медленно по парку.

Античный мрамор ржой изрыт,
Стихают птицы в поздней чаще,
И мёртвым взором фавн следит
За тенью, в сумерках скользящей.

Багряные листы, кружась,
В окно открытое влетают.
Пространств мерцающая связь
В пугливой грёзе обитает.

Пришелец белый входит в дом,
И пёс спешит обнюхать руки.
Погасла лампа над столом.
И льются в ночь сонаты звуки.

* *Мирабелл* — замок в Зальцбурге, известный своими садами.

ROMANZE ZUR NACHT

Einsamer unterm Sternenzelt
Geht durch die stille Mitternacht.
Der Knab aus Träumen wirr erwacht,
Sein Antlitz grau im Mond verfällt.

Die Närrin weint mit offenem Haar
Am Fenster, das vergittert starrt.
Im Teich vorbei auf süßer Fahrt
Ziehn Liebende sehr wunderbar.

Der Mörder lächelt bleich im Wein,
Die Kranken Todesgrausen packt,
Die Nonne betet wund und nackt
Vor des Heilands Kreuzespein.

Die Mutter leis' im Schlafe singt.
Sehr friedlich schaut zur Nacht das Kind
Mit Augen, die ganz wahrhaft sind.
Im Hurenhaus Gelächter klingt.

Beim Taglicht drunt' im Kellerloch
Der Tote malt mit weißer Hand
Ein grinsend Schweigen an die Wand.
Der Schläfer flüstert immer noch.

РОМАНС К НОЧИ

Кто одинок, тот налегке
Сквозь ночь идёт, сквозь времена.
Очнулся мальчик ото сна
С узором лунным на щеке.

Помешанная расплела
Косу и вдаль глядит с утра.
А на пруду сладка игра
Влюблённым — плеск из-под весла.

Вино убийца бледный пьёт.
Больных объемлет смертный страх.
Монашка с твёрдостью в губах
Поклоны Божьим ранам бьёт.

Мать обнимает колыбель,
Печалью взор заволокло,
А сын на мир глядит светло.
Смеётся, гомонит бордель.

В подвале свет свечи погас.
И на стене мертвец сквозь мрак
Царапает безмолвья знак.
И шепчет порчу страха час.

IM OSTEN

Den wilden Orgeln des Wintersturms
Gleicht des Volkes finstrer Zorn,
Die purpurne Woge der Schlacht,
Entlaubter Sterne.

Mit zerbrochnen Brauen, silbernen Armen
Winkt sterbenden Soldaten die Nacht.
Im Schatten der herbstlichen Esche
Seufzen die Geister der Erschlagenen.

Dornige Wildnis umgürtet die Stadt.
Von blutenden Stufen jagt der Mond
Die erschrockenen Frauen.
Wilde Wölfe brachen durchs Tor.

НА ВОСТОКЕ

Подобен дикому органу метели
Мрачный гнев народа,
Пурпурный вал битвы,
Утратившие листву звёзды.

Разбитыми бровями, серебром рук
Благославляет ночь умирающих солдат.
В тени осеннего ясеня
Вздыхают духи убитых.

Тернистая пустошь опоясывает город,
С кровавых ступеней настигает луна
Перепуганных женщин.
Дикие волки ломятся через ворота.

GRODEK

Am Abend tönen die herbstlichen Wälder
Von tödlichen Waffen, die goldnen Ebenen
Und blauen Seen, darüber die Sonne
Düstrer hinrollt; umfängt die Nacht
Sterbende Krieger, die wilde Klage
Ihrer zerbrochenen Münder.
Doch stille sammelt im Weidengrund
Rotes Gewölk, darin ein zürnender Gott wohnt
Das vergoßne Blut sich, mondne Kühle;
Alle Straßen münden in schwarze Verwesung.
Unter goldnem Gezweig der Nacht und Sternen
Es schwankt der Schwester Schatten durch
 den schweigenden Hain,
Zu grüßen die Geister der Helden,
 die blutenden Häupter;
Und leise tönen im Rohr die dunklen
 Flöten des Herbstes.
O stolzere Trauer! ihr ehernen Altäre
Die heiße Flamme des Geistes
Nährt heute ein gewaltiger Schmerz,
Die ungeborenen Enkel.

ГРОДЕК

Вечером от смертоносных орудий
Стонут осенние леса, золотые равнины
И синие озёра, над ними мрачно
Проплывает солнце, ночь окутывает
Умиравших воинов, дикие плачи
Их искалеченных ртов.
Но тихо сгущается в луговой почве
Красное марево, которое гневный Бог
Населил забытой кровью, лунной прохладой;
Все пути впадают в чёрное небытие.
Под золотыми ветвями ночи и звёзд
Тени сестёр проплывают сквозь
 безмолвную рощу,
Приветствуя души героев,
 кровящие возвышения;
И тихо поют в камышах тёмные флейты осени.
О, гордая скорбь! Её алтари чести,
Жаркое пламя духа
Питают сегодня могучую боль
Нерождённых потомков.

KLAGE

Schlaf und Tod, die düstern Adler
Umrauschen nachklang dieses Haupt:
Des Menschen goldnes Bildnis
Verschlänge die eisige Woge
Der Ewigkeit. An schaurigen Riffen
Zerschellt der purpurne Leib
Und es klagt die dunkle Stimme
Über dem Meer.
Schwester stürmischer Schwermut
Sieh ein ängstlicher Kahn versinkt
Unter Sternen,
Dem schweigenden Antlitz der Nacht.

ПЛАЧ

Сон и смерть, мрачные орлы
Кружат всю ночь над главным:
Золотой облик человека
Поглотили ледяные валы
Вечности.
О пылающие рифы
Разбилась пурпурная плоть,
И тёмный голос звучит
Над морем.
Сестра буревой тоски,
Смотри, как тонет испуганный парус
Под звёздами,
В молчаливом лице ночи.

Walter Flex **(1887–1917)**

* * *

Wildgänse rauschen durch die Nacht
Mit schrillum Schrei nach Norden —
Unstäte Fahrt! Habt acht, habt acht!
Die Welt ist voller Morden.

Fahrt durch die nachtdurchwogte Welt,
Graureisige Geschwader!
Fahlhelle zuckt, und Schlachtruf gellt,
Weit wallt und wogt der Hader.

Rausch' zu, fahr' zu, du graues Heer!
Rauscht zu, fahrt zu nach Norden!
Fahrt ihr nach Süden übers Meer —
Was ist aus uns geworden!

Wir sind wie ihr ein graues Heer
Und fahr'n in Kaisers Namen,
Und fahr'n wir ohne Wiederkehr,
Rauscht uns im Herbst ein Amen!

Вальтер Флекс (1887–1917)

* * *

Полёт гусей. Ночная высь.
Печален крик над твердью.
Опасен путь их! Берегись!
Мир переполнен смертью.

Колонной серою летят,
На нас, солдат, похожи.
И вновь поля боёв гремят,
Вражду и гибель множа.

Летите, бойни сторонясь,
На север над холмами.
На юг обратно воротясь,
Увидетесь ли с нами?

Ни одному не быть живым
На жертвеннике власти.
Уйдём, как серый, мёртвый дым,
В осеннее ненастье.

Jakob van Hoddis **(1887–1942)**

DER FREUND

Ich stieß den Dolch ihm in die Eingeweide —
Am Boden standen blanke Pfützen Blut.
Eh war noch Lärm, jetzt hüllt uns Schweigen beide.
Ich staunte wie ein Kind. Denn von der Wut

Des Suchens nach verlornen Paradiesen
War jede Kunde tot. Der Mittag dehnte
Sich selig auf der Höhe kahlen Fliesen,
Gewaltig war der Tag, wie er ersehnte.

Якоб ван Ходдис (1887–1942)

ДРУГ

Ему в живот вонзил я сталь кинжала.
Блестел суглинок, кровью напоён.
То вопль взлетал, то тишина дрожала,
гас взор его, по-детски удивлён.

Жесток был путь к утраченному раю,
свидетелей казня. А день вставал,
на глади плиток кафеля сияя.
Могуч был полдень. Друг о нём мечтал.

WELTENDE

Dem Bürger fliegt vom spitzen Kopf der Hut,
In allen Lüften hallt es wie Geschrei.
Dachdecker stürzen ab und gehn entzwei
Und an den Küsten — liest man — steigt die Flut.

Der Sturm ist da, die wilden Meere hupfen
An Land, um dicke Dämme zu zerdrücken.
Die meisten Menschen haben einen Schnupfen.
Die Eisenbahnen fallen von den Brücken.

КОНЕЦ СВЕТА

С голов срывает шляпы ураган,
И в крик перерастает каждый звук.
Уносит буря крыши — треск и стук,
И мчит поток на берег, тьмою пьян.

Вот шторм! Копыта дикие морей
О землю бьют, чтоб дамбы прочь снести.
Дыханье рвётся в горле у людей,
И с поездами рушатся мосты.

DER ATHLET

Und der Athlet tritt auf und staunen kannst,
wie er ein Brett mit seiner Faust zerhaut.
Er geht einher mit ungeheurem Wanste
und feistem Arm und Nacken, schweißbetailt.

Und kurze Hosen schlottern um die Beinchen,
die sind zu dünnen Stöckchen deformiert.
Prunkende Seide seine Füßchen ziert.
Ach! sind die niedlich! Wie zwei rosa Schweinchen.

АТЛЕТ

Атлет выходит, доску разбивает
ударом кулака, звучащим глухо.
И капли пота по груди стекают
на тяжкое вакхическое брюхо.

Штаны трико тесны на ляжках мощных,
а от коленей ножки тешат взор —
их украшает розовый декор,
как пару нежных поросят молочных.

Ernst Stadler (1883–1914)

ANREDE

Ich bin nur Flamme, Durst und Schrei und Brand.
Durch meiner Seele enge Mulden schießt die Zeit
Wie dunkles Wasser, heftig, rasch und unerkant.
Auf meinem Leibe brennt das Mal: Vergänglichkeit.

Du aber bist der Spiegel, über dessen Rund
Die großen Bäche alles Lebens geh'n.
Und hinter dessen quellend gold'nem Grund
Die toten Dinge schimmernd aufersteh'n.

Mein Bestes glüht und lischt — ein irrer Stern,
Der in den Abgrund blauer Sommernächte fällt —
Doch deiner Tage Bild ist hoch und fern,
Ewiges Zeichen, schützend um dein Schicksal hergestellt.

Эрнст Штадлер (1883–1914)

ОБРАЩЕНИЕ

Я — жажда, крик, пожар, огня напор.
Душе — потока дней не побороть,
Кипят их струи, рвутся на простор
И шрамами бывшего метят плоть.

Ты — зеркало, где в круглой глубине
Искрит источник жизни и поёт,
И где взбухает на янтарном дне
То, что из тлена вскоре оживёт.

Моя душа сорвётся с высоты,
Сквозь полночь летней звёздной ворожбы.
А образ твой — величье красоты,
Знак вечности и оберег судьбы.

FORM IST WOLLUST

Form und Riegel mußten erst zerspringen,
Welt durch aufgeschlossne Röhren dringen:
Form ist Wollust, Friede, himmlisches Genügen,
Doch mich reißt es, Ackerschollen umzupflügen.
Form will mich verschnüren und verengen,
Doch ich will mein Sein in alle W'eiten drängen —
Form ist klare Härte ohn' Erbarmen,
Doch mich treibt es zu den Dumpfen, zu den Armen,
Und in grenzenlosem Michverschenken
Will mich Leben mit Erfüllung tränken.

ФОРМА — ЭТО РАДОСТЬ

Форма и рамка обречены сломаться,
Чтоб мир мог свободно в разломы ворваться.
Форма — это радость и небесное счастье,
Но я б все пласты перепахал в одночасье.
Форма норовит меня сдержать и стеснить,
Но я готов в себя миры вместить.
Твердыни формы беспощадно чисты,
Но я всегда на стороне бедноты.
И я за то, чтобы себя раздарить,
И, новое творя, сущее не губить.

August Stramm (1874–1915)

UNTREU

Dein Lächeln weint in meiner Brust
Die glutverbissnen Lippen eisen
Im Atem wittert Laubwelk!
Dein Blick versargt
Und
Hastet polternd Worte drauf.
Vergessen
Bröckeln nach die Hände!
Frei
Buhlt dein Kleidsaum
Schlenkrig
Drüber rüber!

Август Штрамм (1874–1915)

НЕВЕРНАЯ

Твой смех рыдает в моей груди
Леденеют обожжённые злобой губы
В дыхании вянет листва!
Твой взгляд исчез в могиле
И
Поспешно швыряет на всё сущее слова.
Забыть
Вослед заламываешь руки!
Свободно
Блудит гладь твоего платья
По бёдрам
Выше и выше!

PATROUILL

Die Steine feinden
Fenster grinst Verrat
Äste würgen
berge Sträucher blättern raschlig
gellen
Tod.

ПАТРУЛЬ

Камни стали чужими
Из окон скалит зубы измена
Ветви душат
шелестят спасительные кусты
выкрикивают
смерть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Сергей Шелковский. «Все «эр» и «эль» святого языка» —</i>	
Райнер Мария Рильке и Георг Тракль	4

I. Зарождение века

Райнер Мария Рильке (1875–1926)

Buddha.....	16
Будда.....	17
Der Tod des Dichters	18
Смерть поэта	19
Herbsttag	20
Осенний день	21
Mondnacht	22
Лунная ночь	23
Aus einer Kindheit	24
Из детства.....	25
Herbst.....	26
Осень	27
Ist Schmerz, sobald an eine neue Schicht.....	28
«Сквозь новый пласт проходит с болью плуг	29
Jetzt reifen schon die roten Berberitzen	30
«Налился барбарис огнём багряным.....	31

Abschied	32
Расставание.....	33
Nachthimmel und Sternenfall	34
Ночное небо и звездопад.....	35
Musik	36
Музыка.....	37
Denn sieh: sie werden leben und sich mehren	38
«Мы будем жить и на пути высоком...»	39
Abend.....	40
Вечер.....	41
Vielleicht, dass ich durchschwere Berge gehe	42
«Я каменную гору разрываю...»	43
Bei Tag bist du das Hörensagen.....	44
«Твой день уходит, тихо тая...».....	45
In diesem Dorfe steht das letzte Haus.....	46
«Дом на краю села так одинок...».....	47
Vom Zeichner dringend hingeballter Schatten	48
«И тень творца, и блик его ладони...»	49

II. Обречённый экспресс

Готфрид Бенн (1886–1956)

Einsamer Nie.....	52
Безмерное одиночество	53
Schöne Jugend.....	54
Прекрасная юность.....	55
Kleine Aster.....	56
Маленькая астра.....	57

Георг Гайм (1887–1912)

Die Gefangenen	58
Пленные.....	59
Letzte Wache	60
Последняя вахта	61

Эльза Ласкер-Шюлер (1869–1945)

Ein alter Tibetteppich	62
Старый тибетский ковёр	63
Weltende	64
Конец света	65
Mein blaues Klavier	66
Мой голубой рояль	67
Heimlich zur Nacht	68
Тайно к ночи	69

Альфред Лихтенштайн (1889–1914)

Prophezeiung	70
Пророчество	71
Nebel	72
Туман	73
Das Kontert	74
Концерт.....	75

Георг Тракль (1887–1914)

Wunderlicher Frühling.....	76
Чудесная весна	77
Kindheitserinnerung.....	78
Воспоминания детства.....	79

In den Nachmittag geflüstert	80
Нашептано после полудня	81
Verklärter Herbst	82
Просветлённая осень	83
Verfall	84
Запустение	85
Der Gewitterabend	86
Грозовой вечер	87
Musik in Mirabell	88
Музыка в Мирабелле	89
Romanze zur Nacht	90
Романс к ночи	91
Im Osten	92
На востоке	93
Grodek	94
Гродек	95
Klage	96
Плач	97

Вальтер Флекс (1887–1917)

“Wildgänse rauschen durch die Nacht...”	98
«Полёт гусей. Ночная высь...»	99

Якоб ван Ходдис (1887–1942)

Der Freund	100
Друг	101
Weltende	102
Конец света	103
Der Athlet	104
Атлет	105

Эрнст Штадлер (1883–1914)

Anrede	106
Обращение	107
Form ist Wollust	108
Форма — это радость	109

Август Штрамм (1874–1915)

Untreu	110
Неверная	111
Patrouill	112
Патруль	113

Литературно-художественное издание

**ШЕЛКОВЫЙ
Сергей Константинович**

У БЕЛОГО АНГЕЛА

Переводы с немецкого

В авторской редакции

E-mail:

seshel@mail.ru
seshel47@ukr.net

Авторский сайт:

www.seshel.ucoz.ru

Другие ресурсы:

www.poezia.ru
www.proza.ru
www.stihi.ru
www.rifma.ru

Технический редактор: *О. Мирошниченко*
Компьютерный дизайн: *В. Носань*

Підписано до друку 24.03.17. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Папір офсетний. Гарнітура Minion Pro. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 6,97. Зам. № 17-34.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30.
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 1002 від 31.07.2002 р.